

Искатели детства

Предисловие

Эта история ничем особо не примечательна, но все происходящее в ней было наполнено августовским солнцем, запахом моря и последних бархатных ягод малины, спрятанных для настоящих искателей чего-то похожего на детство.

Все началось с банальной жажды денег. Человек, получивший специальность архитектора, оказался недостаточно напористым, чтобы наводнить город своими фантастическими строениями, и работа продавцом картин в галерее под названием "Ирис" не приносила изрядного дохода. Правда, человек-архитектор еще занимался журналистикой, печатая статьи под псевдонимом своего кота. Итак, беспечная особа, автор этих строк, кардинально решила важные проблемы, запустив в свою квартиру на улице Солнечной (невыдуманное название улицы. — **Прим. автора.**) дивных квартирантов, приехавших из далекой Нёмеччини впервые в Одессу. Глава семьи — 35-летний Петр Екатеринович Варваришкин, он же — потомок декабристов Вербицких, он же не кто иной как Дима Вербицкий. Вкратце о нем — одареннейший, романтичнейший, образованнейший человек с огромным сердцем и чистой душой. Общаясь с ним, понимаешь, что он — один на миллион, таких, увы, совсем немного осталось в мире. Создает фантастически красивую графику на компьютере — стихограммы Омара Хайама, пишет стихи и музыку. Музыка электронная, прикольная. Дима сразу проникся атмосферой разгромленной квартиры неподалече от моря, котом Бамбуком особенно, назвав его "сугубо лечебным котом". Жена Димы — Катя, серьезная и необычная девушка, с длинной русой косой — преподаватель математики, впрочем, как и Дима(?). И, наконец, их дети — красавец Ярополк, старший сын, 19 лет, Агния, 17 лет — более прекрасной и кроткой девицы не встречала никогда!! Внешность — Марина Влади в молодости, темная родинка на виске, грива белых от природы волос и идеальное сложение. Средний сын Элеазар — благообразный юноша 15 лет, улучшенный вариант внешности Мика Джаггера, коллекционер музыкальных дисков и само спокойствие. И, наконец, младшая дочь Дарья — ей 10 лет, пшеничные длинные волосы, ямочки на щеках, в общем, дети — один в один, все потрясающие!!!

Семья арендовала квартиру на месяц.

Какое-то время я жила у маминой подруги, потом пыталась прижиться в коммуналке, в папиной квартире, но по ночам меня будили огромные крысы, какие-то насекомые и страшные сны. Да и соседи не отличались радушием. Потом был шанс жить у молодого человека, с которым я встречалась, имя его Ветла, но появление на авансцене его мамы было далеко не в мою пользу. Мама Ветлы — заведующая медпунктом, и по инерции она всем делает уколы.

Пару ночей я провела в мастерской художницы, с которой работала, потом на даче у своего крестного брата, наводненной массой крестных братьев и сестриц, и, наконец, одну из ночей мне пришлось ночевать дома, на надувном матрасе, и это, надо сказать, была самая уютная ночь. Но следующим утром инстинкт самосохранения погнал меня на 16 станцию Фонтана, где с рюкзаком и в полном растворении я бродила среди дач, растерянно собирая сухие листья.

Ближе к вечеру подхожу к одному домику, продираюсь сквозь заросли ежевики и вижу — горит медовый очень домашний свет в оконце. "Простите, здесь кто-нибудь сдает дачу?!" — ору я людям, садящимся ужинать и гремящим ложками, включающим дворовой фонарь. "О, это опять к Клавдии Григорьевне!" — ответил звонкий женский голос, вышла хозяйка в белом халате и провела меня в еще большую глубь малиновых тропинок. Навстречу выпархивает сухонькая старушка с пронзительными голубыми глазами. "Здравствуйте, меня зовут Юля, вот хочу снять здесь жильё..." После нескольких встревоженных вопросов Клавдия Григорьевна успокоилась, глянула в мой паспорт и оказала радушный прием. Бегло сообщила, что есть ее внучка, она журналистка, и на мой вопрос — о чем она пишет, Клавдия Григорьевна ответила: "Да пишет там что-то... Что-то, видимо, интересное, раз печатают!"

Позже Клавдия Григорьевна уехала домой, в центр города.

И вот мой первый вечер на даче прошел просто изумительно. Я заварила чай из душистых трав, читала любимую книгу, слушала волнующее пение сверчков и впервые за долгое время была по-настоящему счастлива.

На следующий день отправилась к морю. Пляжи были пустынные, можно было гулять вне времени, под солнцем, собирая камни — куриные боги, сердолики и те, что притворяются ими, — купаться, растворяясь в прозрачной воде, вокруг — ни души!! То было воскресенье, а на следующий день мне нужно было ехать на работу, на дребезжащем автобусике, словно на край Земли. Вечером, прижав уши к голове, словно кот, мчусь на дачу — скорее, там пахнет мятой и малиной, вечерний фонарик освеща-

ет листву, сверчки меня ждут... Прихожу, завариваю чай, наливаю в пиалу, аромат меня греет и успокаивает... Вдруг — скрип калитки, шепуршение — и "Здравствуйте, так вы — Юля? Очень приятно, а я — Настя!!" Дружелюбная кудрявая девушка, фонтанирующая прекрасным настроением, весельем, смехом! Удивительно интеллигентный, обаятельный человек с тысячей интересных историй. Рядом с ней спокойным останется разве что неодушевленный предмет.

Мы, конечно, болтали полночи. Она знает массу одесских художников, живет в Минске, но родом "с Одессы". Она собрала букет чернобривцев, поставила в вазу, и мы пили чай в саду, и казалось, что ничего не может быть лучше этих чернобривцев, запаха винограда, кассеты группы "Кино" в крохотном магнитофоне и наших бескрайних бесед.

Однажды мы выбрались на море. Шли пешком вдоль мыса, по-моему, он называется "Золотой". Кажется, что, обогнув этот мыс, ты попадешь в еще больший рай. Солнце то пряталось, то высверкивало морские прохладные барашки, прозрачные волны, дождевые лужи радужные и улыбающуюся Настю, которая говорила мне, как в детстве: "ты плохая!.." — когда я сказала, что мне пора домой, готовиться к работе, и вообще утомительно прочесывать такие километражи. И ее детская интонация, какое-то одиночество, присущее многим успешным и формально не одиноким людям, конечно, заставило, забыв обо всех хлопотах житейских, чесать еще столько же, да еще полстолька, да еще четвертьстолька, не чувствуя ни капли усталости. Мы болтали, молчали и смеялись, и только под вечер, пропитанные соленым морским ветром, оказались на даче, охраняемой малиной, с медовыми окнами.

Вскоре мои гости уехали, лето смотало удочки, и мое время, точнее, внеурочное пребывание на чудесной даче подошло к концу. А Насте пора было уезжать в "серый бессолнечный город Минск". Мы обменялись всеми координатами, обещаниями теле- и прочих видов коммуникации, и на какое-то время исчезли друг для друга.

Но это, конечно, не все... Чудеса не прекратились, будущие встречи зачеркнули все серые дни, а воспоминания сохранились, словно нежный гербарий, на страницах сердца.

Вот вы думаете все?

Нет... Слышите?

Настя: "Помнишь, как весело было, когда мы постеснялись идти через монастырь и пошли через пограничную зону?"

Я: "Конечно, помню! Мы были в шортах и в майках, постеснялись про-

рываться через монастырь мужской, и...поворот не туда!! Попали в погранзону. Там пограничники изумились при виде двух девиц со всклокоченными от ветра волосами, с гигантскими букетами полевых цветов и ошалевшими глазами. Они долго допытывались, откуда мы взялись. Так и хотелось показать глазами наверх — мол, оттуда!!"

Настя: "И ты еще забыла, как мы до темноты читали твои рассказы на лавочке под окном в один из вечеров, закутавшись в какие-то попоны от комаров. И как ночью ты однажды включила свет по всему дому".

Я: "Ха-ха, мне пригрезились снова какие-то монстры ночью, паратройка пауков проползла по лицу, и, охваченная ужасом, я врубила везде свет. Настя проснулась от сумасшедшей иллюминации и от истинного ужаса перед бабушкой, которая очень экономит электроэнергию..."

Настя: "В руках у тебя (в момент встречи с Настей. — Прим. автора.) была пиала из глины, слепленная, кажется, тобой".

Я: "А, нет, то была пиала, смастеренная керамических дел мастером Димой Нужиным, внутри нее была крохотная залитая глазурью Триумфальная Арка. Для парижан, размером с полголовки спички".

Настя: "Ты оставила в комнате на даче свои букеты из каких-то полупрозрачных сухих цветов и несколько камней. Они до сих пор там. И всегда о тебе напоминали.

Хотя нет — думаю, нынешние владельцы дачи все это вынесли вон, (дача продана бабушкой Насте весной сего года соседям. — Прим. автора.) и, может быть, камни опять вернулись на пляж — до моря недалеко ведь..."

